

Ты, Боже, Герцог... но каких владений?
Какое имя из других нежней?
Перебираю сладкие, земные
И руки отряхаю и гляжу:
Текут, текут и падают, звеня...
Тоскана?
Видишь? Это Твой Георгий!
Смотри: смеётся—шлем раскрылся розой...
Ему не страшно биться в день такой
На зелени, средь лютиков, в росе,—
Когда на небе облак или плод,
Архистратиг—садовник или воин?
Конь бел, как горлинка, как рыба;
Он плещется и вьётся от сиянья
Двух длинных шпор—двух золотых комет.
Дракон не страшен всаднику такому:
Дракон для грешников—исчадьё ада,
Для праведников—ящерица лишь,
Для Рыцаря Святого—только сердце,
Засохшее и чёрное, как боб!
Тоскана?
Ты не хочешь?—Есть другие...
Вот—Роза.
Слушай: Роза! Роза!

Был инок, неумелый в ремеслах:
Ни драгоценной алой киноварью
Заглавия по золоту писать,
Ни рисовать, как круглою рукою
Подносит Ева яблоко Адаму,
А с пальмы змей качается над ней;
Ни сочинять в сладчайший лад псалма
О том, как лань зелёною тропую
Из мокрых кущ явилась, и сиял
Крест на челе—весенним смутным утром...
Так ничего не знал он, не умел,
Но только пел, как ветер, пел—Мария!
Но Богоматерь, Деву Пресвятую
Из братьи всей—превыше почитал...
Смеялись иноки. Но Ты, о Боже,—
Ты знаешь всё—кому удел какой!—
И вот, когда он умер, на устах,
Покрывшихся смертельной чернотой,

Вдруг расцвели паникадиллом дивным
Пять алых роз—пять страстных букв—Мария—
Стеблями от замолкнувшего сердца,
Чей вес золотой ты пробовал в тот миг.
Нет! Ты не хочешь розы! Я найду...
Так говорят, что видит Алигьери?
Куст розовый, где листья—латы, розы—
Без рукавиц
В покое розовеющие руки:
Пять лепестков—персты сложились купно,
Отягчены сияющей пчелой!
Она уйдёт, уйдёт, звеня,—с венца в ладонь,
В темнеющую кровью сердцевину,
Где листья вокруг—военные зубцы
Железных нарукавников доспеха!..
Где голова, когда так много рук?
Кто их поверг и смял под конским брюхом
И улетел, пылая стремениами,
Стремительный, как искра из меча?
Но поднимает очи Алигьери
И узнаёт, кто рыцарей поверг...
Там, над кустом,—шумел, сиял и открывался Рай...
Струился свет, стекая, как Архангел,
Меня драгоценные цвета,
Огромный свет—свет конницы небесной,
Свет плата Вероники...
Свет от одежд, очей, лица, от рук
Там, над кустом, представшей Беатриче...
И Алигьери знал, какое имя
Дать Господу владениям Его...

Он так сказал: «Как к Господу, умерши, прихожу,
И спросит Он: Чего тебе я не дал?
Что мне хотеть?—тогда Ему скажу,—
Раз я любовь великую извещал...
И покажу: гляди, по тёмным странам,—
Там, в высоте, в текущей смутной мгле
Горит звезда. Её Альдебараном
Живущие назвали на земле...
Когда бы вдруг с небес рука Твоя
Меня совсем забыла меж другими,—
То и тогда—что требовал бы я,
Раз у нея нежнее было имя?»